

А. В. Дмитриев

**Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии
середины XVIII в.: (социально-политическая адаптация
военнослужащих в условиях Сибири) ***

Среди множества аспектов истории русской армии XVIII в. до сих пор остается практически неисследованным вопрос о соблюдении государственных законов и воинской дисциплины как рядовым контингентом, так и офицерским составом. В обобщающих работах по истории армии указанного периода речь идет либо о воспитании войск и классовой борьбе¹, либо содержатся только краткие характеристики, основанные на мемуарных свидетельствах современников². Современные исследователи отмечают, что «о русских солдатах отзывались в то время как об одних из самых дисциплинированных в Европе»³, не приводя, однако, конкретных примеров, подтверждающих этот тезис. Подобным же недостатком страдают и появившиеся в последние годы работы, казалось бы, специально посвященные данной проблематике⁴, поскольку в них гораздо больше внимания уделяется теории военного дела, нежели собственно историческому материалу. Между тем, поставленная проблема имеет, на наш взгляд, немаловажное значение как для характеристики повседневных деталей несения военной службы в России XVIII в. в целом, так и с точки зрения оценки морально-психологического состояния русской армии, особенностей ее взаимодействия с другими государственными институтами и различными группами населения страны. Мы считаем, что ее решение позволит сформулировать адекватное понимание того, насколько успешно протекала адаптация лиц, несших военную службу, к социальным и политическим условиям Сибири середины XVIII в. Если вопросы, связанные, например, с постоянной повинностью и повседневной жизнью военнослужащих в городах и крепостях, уже затронуты в работах последних лет⁵, то дисциплинарный аспект, по-прежнему, остается фактически «белым пятном».

Дмитриев Андрей Владимирович, к.и.н., доцент, Новосибирского государственного университета.

Эл. почта: khaldeus@academ.org

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № ПЗ64 от 07.05.2010.

¹ См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 163–165.

² *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 97, 98.

³ Там же. С. 98.

⁴ См.: *Бочков А. Ф.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии: (конец XVII – первая четверть XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Зотов С. В.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии во второй половине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

⁵ *Субботина Л. Е.* Идеи строительства полковых слобод в XVIII веке // Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 23–24 мая 2006 г.). Омск, 2006. С. 21, 22; *Проскуракова М. Е.* Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 23–26.

В ходе работы с материалами, хранящимися в фонде № 490 Российского государственного военно-исторического архива («Коллекция офицерских сказок») нами был выявлен целый массив документов, содержащих информацию о судебно-следственных делах в отношении военнослужащих тех полевых и гарнизонных полков, которые дислоцировались на протяжении 30–40-х годов XVIII в. на территории Сибири. В списках личного состава, подготовленных в ходе проведения инспекторских проверок интересующих нас частей, относительно каждого рядового солдата, драгуна или офицера обязательно указывалось, состоял ли он под следствием и военным судом («в фергере и криксрехте был ли?»), по какому обвинению, и какой был вынесен ему приговор. Конечно, в рамках отдельной статьи невозможно дать сколько-нибудь полную картину статистических данных, однако некоторые тенденции можно обозначить весьма отчетливо. В данной работе мы хотели бы продемонстрировать на ряде конкретных примеров, насколько успешно поддерживались воинская дисциплина и правопорядок в сибирских армейских частях.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе данных этих именных списков – в гарнизонных полках доля совершивших те или иные неблагоприятные поступки (как среди офицеров, так и среди рядовых) оказывалась заметно выше, нежели в полевых частях. Если взять все расквартированные в Сибири на протяжении 1730–1740-х гг. гарнизонные подразделения, как переведенные туда ранее, так и сформированные за этот период¹, то окажется, что из 553 штаб-, обер- и унтер-офицеров (в чинах до подпрапорщика включительно)² за годы службы успели побывать под арестом 53 чел., т.е. почти каждый десятый (9,6%)³. Для сравнения: из 415 офицеров, состоявших на действительной службе в четырех полевых полках, переброшенных в Сибирь в 1744–1745 гг.⁴, провинились в чем-либо только 14 чел. (3,4%).

Если суммировать данные о том, в каких конкретно прегрешениях оказывались замешаны армейские офицеры, то выясняется, что собственно служебных проступков и нарушений воинского устава насчитывалось совсем немного. Среди упомянутых 53 офицеров Сибирского гарнизона нами были обнаружены лишь 8 чел., совершивших подобные деяния. Приведем несколько примеров ненадлежащего исполнения ими своих служебных обязанностей. Прапорщики Новоучрежденного драгунского полка В. Боровков и И. Мельгунов в 1739 г. отпустили домой нескольких человек из укомплектованной в ходе набора партии рекрут для пополнения армии. Однако они не понесли за это никакого наказания: первому была «вина отпущена по всемилостивейшему указу» императрицы Анны Иоанновны, а у второго только вычли из жалования месячный оклад⁵. Каптенармус Оренбургского полка Ф. Томилов в 1738 г., всего лишь через год после начала службы, совершил побег, однако был пойман, «перед полком штрафован батогами и до выслуги написан из капралов

---

¹ Тобольский, Енисейский и Якутский пехотные полки (переведены в Сибирь в 1720-х гг.), Оренбургский и Новоучрежденный драгунские полки, а также Новоучрежденный пехотный батальон (сформированы в Сибири во второй половине 1730-х гг.). Данные по Сибирскому драгунскому полку за этот период нами еще не обработаны.

² В это число нами включены и так называемые должности «унтер-штаба»: полковые комиссары, адъютанты, писари, подьячие и др.

³ Здесь и далее – подсчет наш.

⁴ Луцкий, Вологодский и Олонецкий драгунские полки, Нотебургский пехотный полк. Данные по Ширванскому пехотному полку за эти годы, к сожалению, отсутствуют.

⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 5 об., 6, 20 об., 21; Д. 281. Л. 29 об., 30, 77 об., 78; Д. 302. Л. 40 об., 41.

в драгуны»¹. Капитан Новоучрежденного пехотного батальона А. Нелидов «по челобитью солдата Андрея Шарыпова за употребление его к своей партикулярной работе и за неплатеж за работу» подлежал разжалованию в солдаты. Но по всемилостивейшему указу императрицы Елизаветы Петровны в 1744 г. от наказания он был освобожден².

Большее половины офицеров сибирских гарнизонных частей совершали проступки в тех или иных сферах, не относящихся напрямую к военной службе. Немало было среди них провинившихся в нанесении различными способами материального и финансового ущерба государственной казне. Прапорщик Новоучрежденного пехотного батальона Ф. Дмитриев в 1740 г. при отводе рекрут в Казань растратил казенные деньги на покупку товаров для себя, за что был разжалован в солдаты. Однако уже в конце 1741 г. ему вернули офицерский чин³. Сержант Енисейского полка П. Лазарев незаконно взял с красноярских служилых людей 6 руб. 69 коп., за что был наказан шпицрутенами («прогнан чрез полк 6 раз») ⁴. Капитан Тобольского полка Т. Овцын, находясь в Верхне-Иртышских крепостях, «взял казенного вина 2 ведра без денег» и был написан до выслуги в солдаты. Но по указу правительницы Анны Леопольдовны «вина ему отпущена и прежний капитанский чин возвращен»⁵. Поручик Новоучрежденного драгунского полка А. Тарасов в 1744 г. присвоил 200 руб. из денег, отправленных на выплату жалования роте, дислоцированной в Кузнецке. Решением Сибирской гарнизонной канцелярии он должен был быть оштрафован путем вычета из его жалования оклада за полгода, но решение это было отменено «всемилостивейшим указом» императрицы⁶.

Ряд офицеров Сибирского гарнизона отличались недостойным поведением по отношению к своим сослуживцам. Нередким явлением здесь оказывались ложные доносы, продиктованные личной неприязнью. Поручик Тобольского полка П. Герасимов доносил в 1738 г. на писаря Г. Прянишникову, «будто он писал в письменной присяге, хотел имя и отчество ее императорского величества похерить, и якобы он, Герасимов, тому писарю похерить того не дал, и слался на свидетелей поименно... и те свидетели того не показали, а по свидетельству в той присяге того чернения не явилось»⁷. За это он был арестован на трое суток и отправлен на две недели в караул на гауптвахту. Это был уже третий его проступок: еще в 1727 г. Герасимов был под следствием за «издержание на свои potrzeby» казенных денег, утайку при переписи душ штрафных денег (160 руб.) и взятие себе жалования без указа; а в 1736 г. его судили «за проживание сверх указанного срока в доме» (то есть, за просроченный отпуск). Во всех случаях ему удавалось легко отделаться, но в 1748 г. «за немаловажные вины и ложно за темные показания» он был все же разжалован в солдаты.

Сержант того же полка А. Колупаев в 1741 г. подавал ложный донос на капитана Енисейского полка Ф. Мамеева, показывая на него «государево слово и дело» и называя его вором. Поскольку свое обвинение ему доказать не удалось, он был разжалован в солдаты с наказанием шпицрутенами⁸. Каптенармус Л. Пахов в 1740 г. возводил поклеп на самого себя: «За сказывание за собой дела ложно бит перед полком батогами». Судя по всему, он пытался таким образом доказать, что ранее с ним поступили несправедливо,

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 315. Л. 15 об., 16.

² Там же. Д. 302. Л. 60 об., 61.

³ Там же. Д. 242. Л. 46 об., 47; Д. 281. Л. 46 об., 47.

⁴ Там же. Д. 316. Л. 27 об., 28.

⁵ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 160 об., 161.

⁶ Там же. Д. 281. Л. 113 об., 114.

⁷ Там же. Д. 246. Л. 78 об., 79.

⁸ Там же. Л. 256 об., 257; Д. 335. Л. 73 об., 74.

когда в 1739 г. по указу Канцелярии тайных розыскных дел «за некоторые предерзостные слова» он был бит плетью и разжалован из поручиков в солдаты (правда, затем уже через месяц стал каптенармусом). Хитрость удалась, поскольку в дальнейшем ему были «по всемилостивейшему указу вины отпущены, и прежний чин возвращен»¹.

В некоторых случаях к ложным доносам прибегали, чтобы отвлечь внимание следователей от своих собственных провинностей. Так, поручик И. Котовщиков в 1740 г. угодил под суд «за призывание к прелюбодейству и к насилию женку Марью Игнатьеву, и за пьянство и за матерную брань полковника Арсентьева». Пытаясь выйти из этой ситуации, он донес на упомянутого полковника, заверяя, что тот якобы «чинил вора башкирцам во время походов многие поноровки и отпуская в неприятельскую землю шпиона и прочее чинил в противность указам и артикулам». Однако все его свидетельства были признаны ложными, и этим он лишь усугубил свою вину. Котовщикова приговорили к смертной казни четвертованием, но очередной «всемилоостивейший указ» императрицы сохранил ему жизнь. Впрочем, после этого в полку от него быстро избавились. Через несколько месяцев указом Военной коллегии он был «от военной службы отставлен вовсе»².

Здесь следует заметить, что военное начальство, как правило, весьма болезненно реагировало на критику своих действий подчиненными. Соответствующая статья петровского Артикула: «Надлежит каждому своего начальника должным образом почитать, и от подчиненного своего возыметь оное почтение»³, – продолжала действовать. Подпрапорщик Тобольского полка В. Городничев пострадал в 1747 г. «за непристойные слова и за шумство»: был отчислен в Енисейский полк в солдаты, да еще и наказан шпицрутенами⁴. Такая же судьба постигла каптенармуса С. Мякина, разжалованного «за некоторые предерзости» в солдаты Енисейского полка⁵. А прапорщик В. Щербаков попался разжалованием в солдаты «за безмерное пьянство и, будучи на заводской границе в команде майора Шишмарева, за матерную оною майора брань и порицание». Однако, уже через год «всемилоостивейшим указом» императрицы Елизаветы ему вернули офицерский чин⁶.

Из приведенных примеров мы можем установить, каким наказаниям чаще всего подвергались гарнизонные офицеры за те или иные конкретные проступки. В большинстве случаев это напрямую было связано с тем, являлся ли обвиняемый обладателем обер-офицерского или унтер-офицерского чина. Обер-офицеры практически всегда избегали телесных наказаний, в худшем случае отделяясь разжалованием в рядовые на несколько месяцев, полгода или максимум год. В некоторых случаях виновным производили вычеты из их окладов жалования. Впрочем, почти все из упомянутых нами обер-офицеров рано или поздно освобождались от наказания по «всемилоостивейшим указам» императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Можно предположить, что разжалование в солдаты рассматривалось военными властями как своего рода воспитательная мера на определенный срок, позволяющая надеяться, что в дальнейшем офицеры не рискнут повторно преступать закон. В самом деле, тех, кто оказывались под следствием и судом два или более раз, среди офицеров сибирских гарнизонных частей насчитывались буквально единицы.

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 118 об., 119.

² Там же. Л. 160 об., 161.

³ Цит. по: *Российское законодательство X–XX вв.*: В 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 333.

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 157 об., 158.

⁵ Там же. Л. 54 об., 55.

⁶ Там же. Д. 246. Л. 223 об., 224; Д. 335. Л. 136 об., 137.

Напротив, унтер-офицеры довольно часто подвергались наказанию батогами или шпицрутенами, подобно тому, как это делалось и в отношении рядовых военнослужащих. Очевидно, подобная ситуация была напрямую связана с действием той нормы петровской Табели о рангах, которая гласила, что с приобретением на военной службе первого обер-офицерского чина (прапорщика), человек мог рассчитывать на причисление к потомственному дворянству, т. е. на кардинальное изменение своего сословного статуса. Учитывая, что в сибирских гарнизонных полках практически все унтер-офицеры на протяжении рассматриваемых двух десятилетий были выходцами из казаков и других групп служилого населения, а также представителями тяглых сословий (прежде всего, крестьянства)¹, неудивительно, что в глазах старших офицеров и командиров они мало чем отличались от солдат или драгун. В тоже время они также могли рассчитывать на снисхождение, даже со стороны верховной власти.

Интересна судьба И. Островского, еще в первой половине 1720-х годов служившего сержантом в Тобольском полку и оказавшегося замешанным в знаменитом деле о Тарском бунте 1722 г.² В ходе следствия он обвинялся в том, что, «прибыв в Тару с присягой, прежде чем подал те присяги коменданту Глебовскому, показал устав тарскому жителю Василию Илецкому, который по тому тарскому важному делу явился пуший заводчик и противник с полковником Немчиновым и с прочими. И видя, что комендант Глебовский делает раскольникам послабления от себя, в Тобольск об этом не писал и взял с них себе денег 5 рублей да косяк камки». За такое «антигосударственное» поведение его решено было соответствующим образом наказать: «Прогнан шпицрутенами через полк 12 раз и написан был в солдаты вечно». Однако «по милостивому указу императрицы Екатерины Алексеевны, который был напечатан в Санкт-Петербурге при Сенате 14 февраля 1725 г. для поминовения Петра I, из солдат его велено было определить по-прежнему в сержанты». В последующем он благополучно повышался в чине, через полтора десятка лет сделавшись уже капитаном³. Таким образом, интересы военной службы зачастую оказывались выше государственных законов – будучи заинтересованной в услугах офицеров, верховная власть готова была закрывать глаза на многие их проступки, ограничиваясь минимальной реакцией.

Переходя к рассмотрению положения солдат и драгун, ограничимся только сибирскими гарнизонными частями, поскольку в полевых полках, передислоцированных в Сибирь, насчитывалось совсем немного рядовых, совершавших какие-либо преступления. В каждой из рот перечисленных выше полков таковых были буквально единицы. А вот в гарнизонных подразделениях на протяжении всего рассматриваемого периода складывалась иная ситуация. Здесь в каждой роте пехотного (110–120 солдат) или драгунского (78–82 драгуна) полка мы находим, по крайней мере, 7–8, а в некоторых случаях и более 10 чел., «отличившихся» соответствующим образом. Не имея возможности привести здесь полную статистику правонарушений, совершенных рядовыми военнослужащими, обратим внимание на некоторые характерные тенденции.

Наиболее распространенным преступлением оказывался, конечно, побег со службы. Несмотря на действовавшую с 1715 г. норму, записанную в петровском Артикуле и

---

¹ Подробнее об этом см.: *Дмитриев А.В.* Унтер-офицеры в русской армии времен Анны Иоанновны: сословное происхождение и социальный статус // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: материалы регион. науч. конф. (Новосибирск, 21 декабря 2008 г.). Новосибирск, 2009. С. 129, 130.

² Об этих событиях см.: *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 34–66.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 291 об., 292.

предусматривавшую повешение за побег из гарнизона¹, это не останавливало беглецов. В послепетровскую эпоху данная норма почти перестала применяться на практике – ограничивались, как правило, наказанием шпицрутенами. Гренадер Якутского полка Г. Мангазеев был «за побег гонян спицрутен чрез полк 12 раз»². Аналогичное наказание было вынесено его сослуживцу мушкетеру (рядовому солдату) И. Рудакову в 1732 г.³ Со временем и это наказание смягчали, уменьшая количество ударов. Извозчик Новоучрежденного драгунского полка И. Бологов в 1743 г. получил за побег три тысячи шпицрутен (т. е. был прогнан через полк лишь три раза)⁴. Характеризуя положение дел в русской армии на протяжении второй четверти XVIII в., Л.Г. Бескровный утверждал, что «правительство пыталось усилить расправу с беглецами... Военная коллегия усиливала судебную расправу над беглыми солдатами»⁵. Однако буквально на следующей странице он вынужден признать, что получившее тогда распространение «наказание шпицрутенами считалось более мягким наказанием. Военный суд, приговоривший к наказанию шпицрутенами, обычно добавлял в своем решении, что после наказания солдат может снова служить в том же полку»⁶. Именно так и поступали с рядовыми сибирских полков.

Кроме того, настоящей болезнью стало распространение в 1740-х годов практики ложных доносов солдат на офицеров. «Слово и дело» кричали по любому поводу, не останавливаясь перед угрозой наказания. Казалось бы, практика доносительства должна была быть всеобщей в суровые годы правления Анны Иоанновны, а в относительно «либеральное» царствование Елизаветы Петровны сойти на нет. Однако исследователи отмечают прямо противоположный эффект. И.В. Курукин приводит следующие цифры по делам о политических преступлениях, расследовавшихся в Тайной канцелярии: «От эпохи знаменитой "бироновщины" осталось 1 450 дел, т. е., примерно, по 160 дел в год, а от времени "мягкого" правления Елизаветы – 6 692 дела – уже по 349 дел в год»⁷. Е. В. Анисимов справедливо замечал: «К середине XVIII в. доноситељство было так распространено, что власти порой были обеспокоены масштабами доносительства, затруднявшими порой работу политического сыска из-за обилия "бездельных" доносов»⁸. Более того, по его подсчетам, «"ложных доносчиков" среди солдат в абсолютном исчислении было больше, чем среди других категорий населения... а в относительном исчислении они составляли больше половины от всех солдат-преступников»⁹. Аналогичную картину мы наблюдаем и по сибирским материалам.

В 1735 г. мушкетер Якутского полка С. Языков был наказан шпицрутенами (прогнан через полк 12 раз) «за показание ея императорского величества слова и дела ложна на всю третью роту»¹⁰. Его сослуживец Ф. Мухин понес аналогичное наказание в 1737 г. «за ложное показание слова и дела на канцеляриста Тюфякина в Ыркуцку и за резание себя

¹ См.: *Российское законодательство*. Т. 4. С. 344.

² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 41а. Л. 5 об., 6.

³ Там же. Л. 70 об., 71.

⁴ Там же. Д. 281. Л. 94 об., 95.

⁵ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в... С. 163.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ *Курукин И.В.* Поэзия и проза Тайной канцелярии // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 125.

⁸ *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 185.

⁹ Там же. С. 686.

¹⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 81 об., 82.

ножем»¹. Однако и в этих случаях со временем стали наказывать менее строго. Драгун Новоучрежденного полка П. Черепанов «за ложное показание слова и дела» на двоих офицеров был прогнан через полк пять раз². Подобных примеров можно приводить еще немало.

Следующей по распространенности виной рядовых военнослужащих были кражи, причем пострадавшей стороной выступали, как правило, местные жители. Солдат Якутского полка Г. Бакланов в 1733 г. обвинялся в краже лошадей и продаже их за границу³ – полк был расквартирован в Забайкалье и прикрывал русские пограничные владения от кочевников-монголов, с которыми население охотно вело нелегальную торговлю. Рядовой гренадерской роты Новоучрежденного драгунского полка Л. Скорняков в 1746 г. «за кражу в городе Кузнецку из лавки пожитков» по распоряжению генерал-майора Киндермана был «бит батоги в неделю два раза»⁴. Солдат Тобольского полка П. Щербаков, стоя на карауле в 1737 г., снял с образа Николая Чудотворца серебряные монеты (3 коп.), «и за то гнан спицрутен чрез полк 1 раз»⁵. Другой солдат того же полка П. Слепков украл в 1739 г. лошадь у тюменского ямщика, за что был «гнан спицрутен чрез полк четыре раза чрез два дни по два раза»⁶.

Не менее распространенными были случаи, когда рядовые солдаты и драгуны пытались присвоить себе деньги или имущество полка и даже воровали у своих сослуживцев. Драгун Н. Хлыстов «за кражу на своих часах (то есть во время несения караульной службы часовым. – А. Д.) казенных денег... приговорен был к смертной казни», но «по всемилостивейшему указу от оной смертной казни свободен без наказания»⁷. Солдат С. Седелников был «за воровство у товарища своего денег гонян спицрутен чрез полк 12 раз»⁸. Рядовой Тобольского полка П. Гребенчиков украл у своего однополчанина куль муки, когда вез казенный провиант, за что в 1746 г. «по конфермации Ямышевской канцелярии бит батожем»⁹. Солдаты Якутского полка, стоявшего на границе в Забайкалье, занимались контрабандной торговлей. Так, Р. Луковников попал под следствие «за провоз в Кяхтинском фарпосте воровски за границу околную дорогою для продажи китайцам запрещенного провианта муки пшенишной четырех мешков». Аналогичное обвинение было предъявлено Р. Калену¹⁰. Факты незаконной торговой деятельности военнослужащих отмечаются исследователями для этого периода и в других пограничных регионах страны, например, в Карелии¹¹.

В меньшей степени для рядовых «Сибирского гарнизона» были характерны дисциплинарные проступки, связанные именно с их воинской службой. В основном нарушения устава касались «слабого содержания» (то есть смягчения режима) арестантов и колодников или ненадлежащего несения караулов. Мушкетер Якутского полка Я. Черепанов в Кяхте отпустил монгола из-под стражи в 1731 г., получив за это 12 тыс. ударов

---

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 128 об., 129.

² Там же. Д. 281. Л. 126 об., 127.

³ Там же. Д. 163. Л. 52 об., 53.

⁴ Там же. Д. 281. Л. 22 об., 23.

⁵ Там же. Д. 335. Л. 131 об., 132.

⁶ Там же. Л. 64 об., 65.

⁷ Там же. Д. 281. Л. 156 об., 157.

⁸ Там же. Д. 321. Л. 37 об., 38.

⁹ Там же. Д. 335. Л. 62 об., 63.

¹⁰ Там же. Д. 321. Л. 71 об., 72, 88 об., 89.

¹¹ См.: *Проскурякова М. Е.* Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века. С. 25–26.

шпицрутенами¹. Солдат Новоучрежденного пехотного батальона Д. Винокуров, охранявший в Кетском остроге арестанта князя Ивана Путятина (пострадавшего по «лопухинскому делу»), позволил тому «иметь свидание и компанию с прибывшим в тот острог нарымским воеводою», а также допустил «в квартиру ево арестанскую видетца и говорить следующих в Ыркуцк за колодниками прапорщика Мокеева и других с ним везенных на дощаниках ссыльных»². Капрал Тобольского полка Н. Чебыкин обвинен был «в слабом содержании посланных с ним ис канторы Тайных розыскных дел колодников», и ему «приговорено было учинить наказание, прогнать шпицрутен чрез полк три раза и написать до выслуги в салдаты». Но, как обычно, «по всемилоостивейшему ея императорского величества прошлого 18 декабря 1741 г. указу та ему вина и штраф отпущены и определен по-прежнему в капралы»³. В целом количество дисциплинарных проступков было не столь значительным, как можно было бы ожидать.

Имели место и весьма экзотические случаи, когда обвинения предьявлялись по редко встречающимся причинам. Солдат Якутского полка М. Онофриев получил 6 тыс. ударов шпицрутенами «за обнажение в драке шпаги» в 1733 г.⁴ Капрал Новоучрежденного драгунского полка И. Юдин в 1746 г. был сначала разжалован в рядовые «за шумство», а после этого «за пьянство и за самовольное порезание себя ножом бит пред полком батоги нещадно»⁵. Двое солдат Якутского полка пострадали, судя по всему, за увлечения оккультными науками: Я. Каменский был «за волшебство гонян спицрутен чрез полк 9 раз», а П. Макаров был «за кражу из полковой канцелярии дел и за гадательные и за суеверные книшки перед полком бит батоги»⁶. Рядовой Тобольского полка И. Турбин обвинялся в 1743 г. «в злоумышленном намерении к зажиганию артиллерийской кузницы» и был «гнан шпицрутен чрез полк семь раз»⁷. Подобные случаи, как мы уже отмечали, были редкостью. Однако они свидетельствуют, что причины, толкавшие рядовых военнослужащих сибирских частей на те или иные проступки, могли лежать не только в материальной, но и в нравственно-психологической сфере.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что уровень дисциплины в гарнизонных войсках Сибири был значительно ниже, чем в полевых армейских частях. Это касалось как рядовых военнослужащих, так и офицеров. Данный эффект вполне объясним, поскольку служба в гарнизонных полках и батальонах была гораздо менее престижной, так как не на должной высоте находилось материально-финансовое обеспечение этих подразделений⁸. На все это накладывались еще и специфические условия жизни и службы в Сибири того времени, характеризовавшиеся отдаленностью региона, огромной протяженностью границ русских владений, которые прикрывали до середины 1740-х годов только гарнизонные части, постоянной нехваткой здесь военных кадров. Хотя применительно к другим пограничным регионам (например, Карелии) нам встречались утверждения о том, что «отношения гарнизонных военнослужащих с местным населением имели скорее

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 41а. Л. 119 об., 120.

² Там же. Д. 302. Л. 4 об., 5.

³ Там же. Д. 335. Л. 119 об., 120.

⁴ Там же. Д. 41а. Л. 82 об., 83.

⁵ Там же. Д. 281. Л. 66 об., 67.

⁶ Там же. Д. 321. Л. 164 об., 165, 169 об., 170.

⁷ Там же. Д. 335. Л. 26 об., 27.

⁸ См., напр.: *Дмитриев А.В.* Механизмы материального обеспечения полевых и гарнизонных полков русской армии в Сибири в середине XVIII в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 76–83.

добрососедский характер», что нет данных «о виновности гарнизонных военнослужащих в уголовных преступлениях, и в целом в нарушении ими прав местных жителей». Причину этого отдельные авторы видят в том, что «за годы, проведенные военнослужащими российских гарнизонных полков в крепостях Выборгской Карелии, между ними и городскими обывателями появились тесные контакты, выразившиеся в установлении родственных связей и организации совместной предпринимательской деятельности»¹.

Однако изученные нами сибирские материалы свидетельствуют скорее об обратном. Даже тот факт, что подавляющее большинство военнослужащих «Сибирского гарнизона» были выходцами из местного населения, не удерживал их от различных нарушений закона. С другой стороны, нельзя забывать, что огромное множество офицеров, солдат и драгун (практически 9/10) на протяжении рассматриваемого периода честно несли службу, не подвергаясь никаким дисциплинарным взысканиям. Поэтому, категорично утверждать, что офицеры держали солдат в повиновении только палками, также вряд ли правомерно. Все зависело от того, насколько успешно происходила адаптация военнослужащих к условиям конкретных регионов империи, от заинтересованности военных и гражданских властей в поддержании порядка и дисциплины в войсках от способности полковых командиров и офицеров надлежащим образом следовать господствующим нравственно-психологическим установкам и подавать пример своим подчиненным. Даже в сложных сибирских условиях такая адаптация шла относительно эффективно, не обходясь, конечно, без нарушений и проступков, а также серьезных преступлений. Но не они определяли лицо русской армии в середине XVIII в.

---

¹ *Проскуракова М. Е.* Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века. С. 26.